

Н. А. ДОБРОЛЮБОВ

Роберт Овэн и его попытки общественных реформ

Овэн представляет собою бесспорно одно из самых благородных и симпатичных явлений нашего столетия. Недавно (17 ноября 1858 года) угасла его жизнь, полная смелых предприятий и велико-душных пожертвований на пользу человечества, и никто, даже из врагов его идей, не отказался помянуть его добрым словом¹. Личность Овэна до того привлекательна своим умным добродушием и каким-то благодатным, светлым спокойствием, его деятельность до того поражает своим полным бескорыстием и самоотвержением, что самые ожесточенные противники его идей, отвергая его радикальные реформы, не могли, однако же, относиться к его личности без особенного уважения и даже некоторого сочувствия. Его обвиняли как утописта, мечтающего переделать все человечество, ему доказывали необходимость безуспешности его стремлений; но в то же время большая часть противников не могла не согласиться, что очень было бы хорошо, если бы предположения Овэна были осуществимы. Лучшие умы нашего столетия выражали свое сочувствие Овэну; даже государственные люди, князья и правители были одно время благосклонно заинтересованы его начинаниями.

В одном из некрологов Овэна мы нашли, между прочим, следующее известие: «Император Николай, бывши еще великим князем, посетил Нью-Лэнэрк и, осмотревши учреждения Овэна — детский приют, жилища работников, мастерские, — долго с ним разговаривал и в заключение сказал ему: “Ваше отчество переполнено населением; переходите в Россию миллионами с двумя ваших соотечественников и организуйте их в общины, точно так, как здесь; я охотно приму их”. Овэн сам любил рассказывать это² и немало радовался тому, что Россия изъявляла таким образом готовность

дать основание для практического осуществления его системы, основанной на началах свободы и братства»*. Свидетельствуя о том, как наглядны были выгоды системы Овэна даже для непривыченного взора, — факт этот в то же время мог бы быть очень лестным для нашего национального самолюбия, если бы в самом деле у нас были хоть сколько-нибудь распространены сведения об Овэне и предположенных им общественных реформах. Но, к сожалению, не только подробности теоретических соображений Овэна, не только практические его попытки, но даже самое имя его до сих пор почти неизвестно большинству даже образованной публики. Вот почему мы считаем небесполезным познакомить наших читателей с жизнью и мнениями этого замечательного человека, почти три четверти столетия, в Старом и Новом Свете, безуказнено служившего человечеству.

Роберт Овэн родился в 1771 году в Ньютоне, небольшом городке графства Монгомери. Родители его были бедные люди и потому не могли дать ему хорошего теоретического образования. Заботясь только о том, чтобы сын их имел возможность впоследствии добывать себе хлеб, они предназначили Роберта с самого раннего возраста к чисто практической деятельности. Девяти лет он был уже сидельцем в лавке одного купца и очень рано выказал необыкновенную практическую сметливость. В качестве купеческого приказчика и поверенного он разъезжал по разным городам и mestechкам Англии и в этих поездках и торговых сделках приобрел множество практических сведений и даже успел составить себе некоторый достаток. Восемнадцати лет Овэн был уже в доле у основателя обширной хлопчатобумажной фабрики, Дэля, на дочери которого потом он женился. Через несколько времени Дэль и совсем сдал на руки Овэна свою фабрику, с которой никак не мог справиться. Это было в 1789 году, и отсюда начинается блестящий период практической деятельности Овэна³.

Чтоб оценить значение того, что здесь им сделано, нужно предварительно познакомиться с положением фабрики в то время, когда она попала в руки Овэна.

Фабрика Дэля находилась в Шотландии, на берегах Клейда. Дэль основал здесь колонию Нью-Лэнэрк и выбрал для фабрики место, в котором падение вод Клейда представляло особенные удобства для гидравлических сооружений. Это обстоятельство

* Allgemeine Zeitung. No 328.

было чрезвычайно важно в то время, когда приложение пара к фабричным производствам было еще неизвестно. Но, кроме этого удобства, Нью-Лэнэрк не имел никаких залогов успеха и скоро пришел, под управлением Дэля, в крайнее расстройство. Фабрика была основана в обширных размерах, и работников на нее требовалось много; при этом, конечно, нельзя было делать слишком строгого выбора. А между тем фабричная работа по самому существу своему не была в то время особенно привлекательна. Индуистриализм только что начал тогда в Англии приходить в силу, и первый принцип, приложенный им к делу, был — эксплуатация рабочих сил посредством капитала. Разумеется, работникам не было сладко от этого, и на фабрики шли люди только оттого, что им было некуда деваться. Понятно, что такие люди, принимаясь за фабричную работу при таких обстоятельствах, не обнаруживали слишком большого усердия к своему делу.

Они знали, что как ни работай, а все-таки много не получишь с хозяина, который только и норовил, чтобы выжать из работника сколько можно больше выгоды для себя. Вследствие таких понятий и такого порядка вещей установились почти повсюду враждебные отношения рабочего класса к подрядчикам и заводчикам, — и обратно. Хозяин смотрел на своих работников как на вьючных скотов, которые обязаны за кусок насущного хлеба работать на него до истощения сил; работники, в свою очередь, видели в хозяине своего злодея, который истощает и мучит их, пользуется их трудами и не дает им ни малейшего участия в выгодах, ими же ему доставляемых. Само собою разумеется, что не везде в одинаковой степени проявлялась эта неприязнь, потому что не все хозяева с одинаковым бесстыдством эксплуатировали работников; но основа взаимных отношений между теми и другими везде была одинакова. Основатель колонии Нью-Лэнэрка, Дэль, был нисколько не хуже — и даже, может быть, лучше — многих других фабрикантов; но, следуя обычной системе обращения хозяев с работниками, он ничего не мог сделать с ними. Невыгоды его положения увеличивались еще тем, что народ, собравшийся к нему на фабрику, действительно был избалован и развращен. Это был всякий сброд из разных стран, невежественный, ленивый и безнравственный. Таким образом, скоро Нью-Лэнэрк даже превзошел в нравственном безобразии другие мануфактурные колонии, вообще не отличавшиеся нравственностью. Вместе с равнодушием к работе явилась наклонность к лени и праздности; ничтожность

заработной платы, сравнительно с выгодами всего предприятия, и невозможность без чрезвычайных приключений выбраться из печальной колеи наемного работника — производили недовольство, которое мало-помалу переходило в беспечность о будущем, равнодушие к своей части и наконец в тупую апатию ко всему хорошему. Когда же, таким образом, внутренняя опора честности и порядочности, внутренний возбудитель к деятельности — исчезали, тогда уже не было возможности удержать эту массу людей, бросившуюся во всевозможные пороки и гадости. В Нью-Лэнэрке было 2000 человек, и между ними едва можно было найти какой-нибудь десяток людей, хоть несколько порядочных. Пьянство господствовало между всеми работниками в самых страшных размерах. Ни один работник не мог сберечь никакой безделицы из своего жалованья: все пропивалось... Если недоставало своих денег, то ни почем было — украсть что-нибудь у товарища. Все надо было прятать под замками; чуть что плохо лежало, — ничему спуску не было в Нью-Лэнэрке. Такое милое поведение обеспечивало, разумеется, вечные ссоры, беспокойства, жалобы и беспорядки в колонии. Все были на ножах друг против друга, никто не мог ни на кого положиться, никто не считал безопасным себя и свое имущество... Ко всему этому присоединилась путаница семейных отношений, безобразно стоявших на полдороге от формалистики пуританства к практике мормонизма или хлыстовщины. При всеобщей бедности и пьянстве работников это имело вид грязный и гадкий более, нежели где-нибудь. Семейство не существовало; дети оставались не только без образования, но даже без всякого призора; и как только они немножко подрастили, их брали в работу на фабрику. Чему они тут могли научиться, об этом уж и упоминать нечего; но, кроме нравственного вреда, и для самого их здоровья преждевременные, однообразные работы на фабрике были чрезвычайно гибельны. Большая часть тех, которые не умерли во младенчестве из-за небрежения старших, погибала в раннем возрасте, среди изнурительных работ и беспорядочной жизни на фабрике. Таким образом, вся колония, испорченная и расстроенная в настоящем не имела никаких шансов и в будущем: нельзя было надеяться даже на то, что вот через несколько лет подрастет новое поколение, которое будет лучше предыдущего.

Дэль долго бился с своими работниками, употребляя для их исправления обычные средства хозяев: брань, строгие приказания, уменьшение жалованья, вычеты, лишение места, судебное пре-

следование. Ничто не помогало. На место прогнанных поступали новые работники, и как бы они ни были хороши сначала, общий поток увлекал и их спустя несколько дней по их вступлении на фабрику. Работники, у которых убавляли жалованье, старались зато более лениться и не чувствовали особенной разницы в своем положении, потому что ведь и прежде они пропивали все, что получали: конец концов выходил все тот же. А уж если недоставало и на выпивку, то всегда было под рукою легкое средство — украсть... Лишения места решительно никто не боялся, потому что никто не дорожил местом; а брань хозяина даже намеренно вызывалась, потому что многие не без приятности видели раздражение и беспокойство своего врага. Словом — не было, по-видимому, никаких средств улучшить положение фабрики и самой колонии, когда Дэль передал управление Нью-Лэнэрком Роберту Овэну.

Взявши на свои руки хлопчатобумажную фабрику Дэля, Овэн нашел, что доходы с нее были чрезвычайно ничтожны. Он немедленно принялся отыскивать причины дурного хода всей операции. Первое, что ему бросилось в глаза, было дурное качество товаров, приготовляемых на фабрике, и дурной ход всех фабричных работ. Зло, следовательно, заключалось не в посторонних помехах и затруднениях, а внутри, в особенностях недостатках фабричного производства. Раз убедившись в этом, Овэн решился для успеха предприятия переделать организацию фабрики и всей колонии. Он не хотел долго ждать, пока переменятся сами собою обстоятельства, пока наберутся новые люди и родятся новые поколения. Двадцати летний юноша, полный энергии и уверенности в себе, он полагал, что сам может создать обстоятельства, какие ему нужны, и с помощью новой обстановки преобразует тех же самых людей, которые теперь казались ни к чему не годными. Несмотря на молодость свою, Овэн в это время обладал уже большою опытностью и отлично знал людей. Разъезжая по разным частям королевства, имея дело со множеством разнообразных лиц, он особенно поражался всегда громадностью того влияния, которое имеют на человека окружающие его обстоятельства. Постоянные наблюдения и размышления привели его к мысли, которая с течением времени все крепла в нем и наконец сделалась девизом всей его деятельности. Мысль эта заключалась в том, что человек по натуре своей ни зол, ни добр, а делается тем или другим под влиянием обстоятельств. В этом заключении Овэн представляет средину между мрачными теориями средневековых фанатиков и

розовым воззрением Руссо. По средневековым теориям, память о которых не исчезла и поныне в католической Европе, человек от природы — зол, и только путем постоянного самоотречения и плотоумерщвления может выйти из своей природной гадости... Руссо, напротив, провозгласил, что человек добр и совершен, выходя из рук природы, а только с течением времени, от привычки к жизни и от общения с людьми, делается злым и порочным. Овэн говорит: ни то, ни другое. В человеке, при рождении его на свет, нет ни положительного зла, ни положительного добра, а есть только возможность, способность к тому и другому. Способность эта заключается в восприимчивости к внешним впечатлениям, и, таким образом, нравственное развитие человека совершенно зависит от того, как устроются отношения между его внутренней восприимчивостью и впечатлениями внешнего мира. По мере того как эти впечатления осаживаются внутри человека, образуется в нем и внутренний характер, который, приобретая некоторую силу, может потом и противодействовать внешним влияниям, вновь привходящим. Но и тут человек не освобождается вполне из своей зависимости от обстоятельств, и Овэн утверждал даже, что ни один человек, как бы ни крепко сложился его характер, не может долго выдержать себя совершенно неизменным при изменении всей окружающей обстановки. Руководимый таким убеждением, Овэн отважно приступил к реформам в Нью-Лэнэрке, в твердой уверенности, что стоит изменить обстановку быта фабричных, и вся колония примет другой вид.

Как человек умный и практический, Овэн скоро понял, что главной причиной дурного хода дел на фабрике была взаимная недоверчивость и даже неприязнь, существовавшая между хозяевами и работниками. Он решил уничтожить эту неприязнь. Сам он не был жаден к барышам и охотно придал бы всему предприятию некоторый вид ремесленной ассоциации. Но он не один владел фабрикой и потому должен был действовать в пользу рабочих, не нарушая интересов антрепренерских. Доходы с фабрики были, впрочем, — как уже сказано, — невелики, и потому Овэну небольшого труда стоило уговорить компаньонов предоставить ему полную свободу действий, причем он обещал верные выгоды, а не убыток. Таким образом, сделавшись распорядителем всей операции, Овэн немедленно приступил к мерам, которые долженствовали восстановить потерянное доверие работников к хозяевам фабрики.

Он был уверен, что как скоро рабочие получат убеждение в том, что хозяин к ним расположен и заботится об их выгодах, то они и сами станут заботиться об интересах хозяина. Теория взаимных услуг, развитая Овэном впоследствии, уже в это время лежала в основе его деятельности. Сообразно с этой теорией он счел необходимым, прежде всяких других перемен, позаботиться об улучшении материального быта работников; затем он имел в виду улучшение их нравственности, любовь к своему делу, живое участие в интересах всего предприятия и вследствие этого — возышение достоинства работы и самых выгод от фабрики. Четыре года продолжалась борьба Овэна с беспорядками и развратом всей колонии, и по прошествии этих четырех лет Нью-Лэнэрк принял такой вид, что его узнать нельзя было: Овэн устроил образцовое поселение и вместе с тем чрезвычайно выгодную фабрику.

Чтобы видеть, как он успел достигнуть таких результатов, представим некоторые подробности его действий.

Зная, что в Нью-Лэнэрке на хозяина смотрят плохо, Овэн прежде всего постарался о том, чтобы как можно меньше напоминать рабочим свои хозяйские права. Он выбрал из среды работников несколько честных и смывленых помощников себе, которым и передал свои идеи и намерения. Идеи эти состояли в том, что польза самого дела требует от хозяина заботливости о работниках и что успех предприятия может быть обеспечен только полной добросовестностью и доверием в их взаимных отношениях. Затем намерения Овэна были: по возможности удалить от работников все, что до сих пор неблагоприятно действовало на их материальный быт, и потом облагородить их нравственную сторону. Содействие этим намерениям — вот все, чего желал Овэн от своих помощников; очевидно, что и им самим не было неприятно ему действовать. Таким образом, с самого начала своего вступления в управление фабрикой Овэн решительно уничтожил все крутые, насильтственные меры, все принудительные средства, употреблявшиеся до того времени с работниками. Он предпочел действовать лучше положительными средствами, нежели отрицательными, и принял за употребление их в очень обширных размерах, прилагая свои идеи не к частным случаям и отдельным лицам, а ко всей фабрике. Он устроил и сделал обширное здание со всеми удобствами для помещения работников и стал отдавать им квартиры внаем, всего более заботясь о том, чтобы не получить с них никакого барыша за это. «Барыш будет уже от того, что они тут

жить будут, — рассчитывал Овэн, — как бы ни была ничтожна наемная плата, для фабрики в конце счетов все-таки будет выгода». Действительно, мало-помалу многие работники перешли на житье в новое помещение, которое было несравненно дешевле их прежних квартир и представляло более удобство. Общее ожесточение против антрепренера несколько утихло и стало смягчаться тотчас, как только увидели, что он делает дело по совести. Овэн пошел дальше. Он устроил в Нью-Лэнэрке род рынка, закупал всевозможные товары, необходимые для рабочих, и продавал их, опять наблюдая то же условие: не брать себе ни копейки барыша с продаваемых вещей. Убытка ему не было, а между тем рабочие увидели вдруг огромную разницу в своих расходах. Прежде в Нью-Лэнэрке торговали барышники, вытягивавшие последний сок из беспорядочного и пьяного населения: что было нужно, за то просили впятеро; у кого не было денег, тому отпускали в долг с ужасными процентами, обманывали и обсчитывали на каждом шагу. Все, что не пропивалось работником, шло в руки этих торговцев. Овэн решил избавить от них Нью-Лэнэрк и, чтобы вернее достичь своей цели, не только стал продавать товары лучше и дешевле, но также открыл и кредит рабочим. Каждому работнику дана была книжка для записи получаемого им жалованья. В счет заработанной платы, а в случае надобности — и вперед, он мог брать на рынке Овэна все, что ему нужно. Количество и цена отпущенных вещей отмечались в книжке, а по истечении недели сводились все счеты при выдаче заработной платы. Разумеется, и тут предприятие Овэна не вдруг приобрело доверие. Однако же вскоре все увидели, что выгоднее покупать дешево хорошие вещи, нежели дорого дурные. Еще немного — и все убедились, что лучше при конце недельного счета получить десять копеек вместо рубля, за исключением всех расходов, нежели получить полный рубль и тотчас же издержать его весь на те же расходы, да еще остаться в долгу. Мало-помалу все убедились, что Овэн не надувает их, все обратились к его лавочкам и вслед за тем (что было всего важнее для Овэна) увидели, что им можно жить не хуже прежнего и между тем все-таки делать сбережение из заработной платы. Довести работников до этого убеждения было необходимо Овэну особенно потому, что этим только путем надеялся он подействовать на искоренение пьянства в Нью-Лэнэрке. Воровство и важные беспорядки уменьшились довольно скоро; удобные и дешевые квартиры, честная продажа товаров, всегда аккуратный и справедливый

расчет с работниками — были достаточны для того, чтобы значительно ослабить и почти уничтожить в них наклонность к воровству, грабежу и грубому, наглому мошенничеству. Но пьянство долго не поддавалось усилиям Овэна, потому особенно, что продавцы вина сильно ему противодействовали, всячески соблазняя рабочих. После нескольких бесплодных попыток образумить работников Овэн решил и здесь попробовать ту же меру, которую удалось ему избавить Нью-Лэнэрк от барышников. Он сам принялся за продажу вина и устроил питейные дома и лавочки, где виски лучшего качества продавалась на тридцать и на сорок процентов дешевле, чем у других винных продавцов. Разумеется, посторонняя виноторговля была этим сильно подорвана и через несколько времени исчезла из Нью-Лэнэрка. В питейных же домах, заведенных Овэном, пьянство не могло встретить благоприятных условий для своего развития. Сначала и тут, правда, многие напивались, и никто не мешал им в этом. Но во многих наклонность к пьянству ослабела уже от одного того, что не была возбуждаема и поддерживаема беспрерывными искушениями и зазываньями, какие употреблялись прежними виноторговцами. В других проявилась бережливость, и, имея возможность повеселить себя чаркою виски за дешевую цену, они уже не считали особенно восхитительным истратить весь остаток заработной платы для того, чтобы напиться до бесчувствия. Мало-помалу Овэну удалось довести массу работников до того, что пьянство стало считаться между ними предосудительным. А раз утвердившись на этой почве, он уже без особых усилий мог искоренить остатки пьянства. Между прочим, сильно помогло ему в этом одно устроенное им учреждение для холостых работников, которые, разумеется, и были самыми опасными кутилами. Он учредил для них общий стол по самой ничтожной цене. Пища была очень обильна, разнообразна и питательна, плату за обед можно было просто записывать в книжку жалованья; такие благоприятные условия привлекли многих, а когда они стали иметь порядочный стол, то у большей части сам собою пропал позыв на беспутное пьянство. Спустя некоторое время Нью-Лэнэрк стал на такую ногу, что пьяница поражался в нем общим порицанием и презрением, почти наравне с вором и мошенником. Нравственные чувства пробудились в людях, прежде столь грубых и испорченных, и в Нью-Лэнэрке началась совершенно новая жизнь. Вместе с изменением быта рабочих изменилось и самое управление фабрикой. Враг

всяких принудительных мер, Овэн уничтожил все наказания и взыскания, до того времени употреблявшиеся на фабрике. Он хотел действовать только на убеждение и на добрую волю работников. Своими распоряжениями в их пользу он добился их доверия, что было для него вдвое трудно, как для хозяина и как для англичанина, — потому что большинство работников состояло из шотландцев, плохо расположенных к англичанам. Получивши же доверие рабочих и постоянно его оправдывая своими поступками, Овэн уже весьма легко убедил их, что их собственные интересы должны заставить их работать усерднее и лучше. Он объяснил им кругооборот всей операции таким образом: «От вашего усердия и качества вашей работы зависит количество и качество фабричных продуктов, которые мы можем изготавливать на продажу. Чем больше будет продуктов и чем выше будет их достоинство, тем более доходов получится с фабрики. Увеличение же доходов даст мне возможность более сделать в вашу пользу — повысить задельную плату, сократить число рабочих часов, увеличить удобство вашего помещения и т. п. Вы видите, следовательно, что, работая хорошо, вы не для моих одних барышей жертвуете своим трудом, а имеете в виду вашу собственную, прямую выгоду». Рассуждения эти были очень просты и здравы, и так как все верили, что Овэн не надут, а действительно сделает, что говорит, то представления его имели сильное действие на работников. Чтобы довершить влияние своих убеждений, Овэн отказался от всякого формального проявления начальнической власти в своих отношениях с рабочими и предоставил их собственному суду определение степени искусства в работе и личных достоинств каждого. Не только в частной жизни работников, но даже в самой работе их Овэн умел избегнуть всяких понуждений и взысканий; он никогда не поднимал шуму из-за того, зачем человек наработал мало или плохо, никогда не заставлял работать против воли. Он сказал, что хорошая работа нужна для общей пользы работников еще более, нежели для его частной выгоды, и, помня это, он хотел, чтобы работники сами заботились об исправном ходе работ. И действительно — они заботились: лентяй и плохой работник подвергались порицанию и презрению всего общества, не умеющих учили более искусные, лучшие мастера пользовались общим почетом; во всей массе работников явилось чувство живого соревнования, добросовестность в работе водворялась все более и более, вместе с упрочением нравственных начал в Нью-Лэнэрке. Всякий чувствовал себя ответ-

ственным уже не перед эксплуататором-хозяином, которого и обмануть не грех, не перед начальственной властью, на которую всегда смотрят с некоторой недоверчивостью и даже враждебностью, а перед целым обществом своих товарищей, во всем между собою равных и имеющих одни и те же интересы. Такого рода ответственность, соединенная с чувством правильно настроенного, здорового самолюбия, была самым лучшим двигателем всего хода дел на фабрике. Все старались быть и все делать как можно лучше, не ожидая за это ни хозяйствской похвалы, ни прибавки на водку, так как Овэн, уничтоживши взыскания, уничтожил и награды в Нью-Лэнэрке. Единственную дань внешним отличиям принес он, допустивши дощечки разного цвета, которые давались каждому работнику и означали достоинство работы каждого. Дощечки были четырех цветов: белые, означавшие, что работа хороша, желтые — довольно хороша, синие — посредственна, черные — дурна. Замечательно, что, по отзывам путешественников, посещавших Нью-Лэнэрк, весьма у немногих работников находились синие дощечки, а черные — ни у кого.

Вне своих мастерских работники также не могли укрыться от общественного контроля, который был гораздо действительнее надзора хозяина. И здесь Овэн умел достигнуть того, чего ему хотелось, всего более тем, что оставил всякое прямое вмешательство в частные дела фабричных. До вступления его в управление работники Нью-Лэнэрка беспрестанно враждовали между собою из-за национальностей и из-за различных оттенков вероисповеданий. Хозяева и надсмотрщики считали своим долгом разрешать их ссоры по своему крайнему разумению; само собою разумеется, что сторона, обиженная решением, воспламенялась еще больше прежнего, и раздор усиливался. Овэн объявил, что он ни к кому особенного расположения не питает и никому не намерен — ни мешать, ни помогать в делах веры и личных убеждений. Для него было решительно все равно, шотландец, англичанин или ирландец был работник и держался ли он чистого католического вероисповедания, принадлежал ли к епископальной или пресвитерианской церкви, был ли методист или анабаптист. Равнодушие и полнейшая, безгранична терпимость Овэна подействовали и на работников: раздоры землячества и сектаторства затихли и малопомалу совсем прекратились, так что когда Овэн устроил училище для детей фабричных, то приверженцы самых враждебных между собою сект не усомнились отдать туда детей своих.

Училище, устроенное Овэном в Нью-Лэнэрке, было торжеством его системы⁴. Обыкновенно дети фабричных не получали в это время никакого воспитания. С самых ранних лет они начинали ходить на фабрику и там по мере сил помогали взрослым и по мере возраста приучались к их грубости и разврату. Получить возможность взять детей для ученья от фабричной работы — и это уже было шагом вперед. Овэн добился этой возможности, убедивши работников, что ранее десяти лет не следует посыпать детей на фабрику, и ограничивши срок детской работы десятью часами в день — maximum. В училище же своем Овэн вздумал приложить те же начала, посредством которых он так удачно преобразовал Нью-Лэнэрк, и совершенный успех оправдал его систему. Отправляясь от той мысли, что человек весь есть создание обстоятельств и что, следовательно, на него не может падать ответственность за то, умен он или глуп, скромен или дерзок и т. п., Овэн считал решительной нелепостью всякие условные награды и наказания не только для взрослых, но даже и для детей. Поэтому в училище его никаких наград и никаких наказаний не было положено. К ученью дети возбуждались интересом самого знания, которое им никогда не старались навязывать против их воли. Что касается до внешнего порядка и так называемого поведенья учеников, то Овэн никогда не считал нарушением порядка и дурным поведением — маленькие детские шалости, неистребимые притом никакими строгостями. Больших же преступлений не могло быть в училище Овэна уже и потому, что тут почти исключительно находились дети моложе десятилетнего возраста. Да ежели и встречались проступки действительно нехорошие, то они находили свое осуждение и наказание в самих же детях. Посещавшие Нью-Лэнэрк с удивлением рассказывают о том порядке, благородстве и единодушии, какие господствовали между детьми, находившимися в училище Овэна. Ежели сильный хотел обидеть слабого, остальные дети вступались за обижаемого; если кто замечен был в плутовстве, с ним не хотели иметь дела; кто солгал, тому переставали верить... В играх, в занятиях, во всех отношениях детей между собою господствовала совершенная открытость, справедливость и взаимное уважение и расположение. При этом вовсе не исключалось соревнование учеников между собою; но так как наград и наказаний не было, то оно возбуждалось не завистью и корыстью, а искренним желанием действительного совершенствования. Проистекая из таких начал, соревнование учеников Овэна было тихо и добродушно; оно

никогда не могло дойти до такого неистовства, до какого доходило, например, в некоторых ланкастерских школах, искусственно возбуждавших его до такой степени, что соревнующиеся ученики стали наконец пырять ножами друг друга. У Овэна дети и не скорились за ученье и учились хорошо. Заметим здесь, что училище его по своим размерам не уступало многим из ланкастерских школ и что способ обучения Ланкастера и Белла⁵ был отчасти усвоен Овэном. Залы училища его могли вмещать до 400 воспитанников. Все дети распределены были по различным классам; самые маленькие учились читать и писать; в старших классах преподавались высшие правила счисления, механики и физики. Старшие обыкновенно не только сами учились, но и руководили младших. На десятилетнем возрасте ученье обыкновенно оканчивалось, потому что с десяти лет дети начинали уже ходить в мастерские на работу. Но и до этого времени они успевали приобретать довольно много сведений благодаря тому, что все ученье было совершенно наглядно и чуждо всяких схоластических замашек и ненужных формальностей. Приято было за правило — непременно показывать ученикам самый предмет, о котором говорилось, или по крайней мере рисунок его. Таким образом, естественная история изучалась обыкновенно во время прогулок в поле; изучение географии начиналось с рассматривания карты и продолжалось в виде путешествия по ней от данного пункта, и т. д. Избегать всякой сухости и мертвой формальности и поддерживать в детях живой интерес ко всему, что им преподавалось, — было главною заботою Овэна. Благодаря такой системе мальчики в короткое время своего пребывания в школе приобретали у него довольно основательные познания в геометрии, механике и естественной истории. Девочек учили меньше, и вместо специальных знаний, прилагаемых в фабричном мастерстве, их обучали разным рукodelьям, преимущественно шитью.

Здесь не мешает заметить одно замечательное обстоятельство, которое показывает, с каким тактом умел Овэн вести дело и пользоваться своим положением. Мы упоминали выше о множестве различных сектантов, бывших в Нью-Лэнэрке. Принимаясь учить детей, Овэн должен был в религиозном обучении — или выбрать какую-нибудь одну из сект, или приноровляться к каждой из них. И то и другое было нехорошо: первое могло восстановить против Овэна приверженцев других сект, второе значило играть комедию, проповедуя то, чего вовсе не одобряешь. Овэн блестящим образом выпутался из этого затруднения, сохранивши доброе согласие в ко-

лонии и не пожертвовав ни йотою из своих личных убеждений. Он совершенно отказался от религиозного обучения, сказавши, что не хочет стеснять никого и предоставляет родителям полную свободу наставлять своих детей, как им внушают их благочестивые верования. «В семейной жизни и воспитании, — прибавлял Овэн, — правила веры гораздо лучше усваиваются, нежели в школе, и потому детям не будет никакого ущерба от того, что религиозное обучение не войдет в число учебных предметов школы».

<...>

В конце XVIII века в промышленности Англии произведен был переворот изобретениями Уатта и Эркрайта. Пока не было машин и все производилось руками, возможно было существование множества частных ремесленников, зарабатывавших себе хлеб своими трудами поодиночке. Их произведения были тогда в хорошей цене, потому что при ручной работе производство никогда не могло достигать таких обширных размеров, как при существовании машин. Усовершенствованный Эркрайтом механический ткацкий станок и применение к машинам парового двигателя, сделанное Уаттом, дали совершенно новый вид промышленности Англии и всей Европы. С одной стороны — производительность фабричная страшно усилилась; хлопчатобумажное производство сделалось одною из главных отраслей промышленности Англии [До изобретения машин во всей Великобритании считалось только 8000 ремесленников и мастериц, занятых хлопчатобумажным производством; ныне это дело занимает в Англии до миллиона народа. Ценность бумажных тканей, уже по исчислению 1836 года, простиралась в Англии с лишком до 200 миллионов рублей; в настоящее время цифра эта более чем удвоилась.]. Среднее сословие возвышалось в своем значении и было уже в состоянии тягаться с землевладельческой аристократией. Но с другой стороны — это же самое распространение машин определило совершенно иначе прежние отношения среднего сословия к работникам. При существовании машин одиночная ручная работа перестала быть выгодною; малопомалу она совершенно была подорвана машинным производством, которое при своей простоте и дешевизне давало производителям средство значительно понижать цену на товары. Большая часть ремесленников не имела средств на то, чтобы завести у себя машины; для этого нужны были капиталы, которых у них не было. Дух ассоциации не проник еще тогда в промышленность, и оттого вскоре ремесленники очутились в необходимости сделаться

наемниками у людей, имевших средства приобретать машины и заводить обширные фабрики. Сначала, пока машин было немного и совокупность ремесленников могла выдерживать с ними соперничество, положение работников на фабриках было очень сносно. Но соперничество не могло долго продолжаться; скоро работники в избытке стали являться на фабрики, не имея возможности кормиться произведениями одиночной своей работы, сильно упавшими в цене. Тогда, разумеется, заработка плата понизилась, и вскоре работники увидели себя в совершенной зависимости от капиталистов, без всяких средств для противодействия с своей стороны. Положение их было до того беспомощно, безвыходно, что возникшая вскоре конкуренция между капиталистами-промышленниками не только не послужила к улучшению положения рабочего класса, но даже сделала его еще хуже. Конкуренция выражалась тем, что производство старались улучшить и удешевить. Таким образом, товары все упадали в цене, а сообразно с тем понижалась и заработка плата. О том же, чтобы привлечь к себе работников предоставлением им каких-нибудь преимуществ, никто и не думал: об этой дряни не стоило заботиться; капиталисты знали, что нужда заставит прийти к ним каких-нибудь работников даже за самую ничтожную плату.

Кроме небрежности и лени, между всеми работниками господствовало чувство неприязни и скрытного озлобления против капиталистов-хозяев. Такое расположение рабочего класса много вредило успешному ходу дел на фабриках и еще более внушало хозяевам какой-то неопределенный страх перед недовольными массами. Они чувствовали, что беспощадная эксплуатация рабочих сил может иметь конец не совсем приятный для самих капиталистов; но, несмотря на это сознание, им никак не хотелось поступиться, даже временно, какою-нибудь частью своих барышей для увеличения материальных средств рабочего класса. Им бы хотелось как-нибудь приискать средство эксплуатировать работника так, чтобы им было от этого очень хорошо, а ему не было дурно. Надобно было изобрести игру, в которой бы все играющие оставались в выигрыше. Такую именно игру увидели эти люди в проектах Овена, и в этом заключается тайна его первых успехов в среднем классе общества.

Но еще более сочувствия встретил Овэн в государственных людях, в аристократических кругах Англии и всей Европы. И тут было то же недоразумение. Английская аристократия вступила в антагонизм с буржуазией с самого начала сильного развития

промышленности Англии. С одной стороны была поземельная собственность и родовые привилегии, с другой — капитал и индустриальные стремления. Но аристократия была ужасно встревожена демократическими тенденциями французской революции и даже опасалась, чтобы что-нибудь подобное не повторилось и в Англии. В своей боязливой предусмотрительности она не заметила, что опасность угрожает ей совсем с другой стороны, и заботилась всего более о том, чтобы не допустить в народ якобинских идей, за которые считалось тогда всякое предъявление своих прав лицами низшего сословия. Принимая такой принцип в отношении к народу, аристократия поземельных владельцев незаметно для себя самой помогала непомерному усилению значения промышленников-капиталистов. Скоро сделалось заметным преобладание индустриальных интересов перед земледельческими, сельское население переходило в города, огромные массы бедного народа группировались в промышленных центрах, значение поземельной аристократии падало, и коттон-лорды, владельцы больших хлопчатобумажных фабрик, сделались наконец опасными соперниками лендлордов, поземельных владельцев. Не вдруг поняли лендлорды весь смысл и последствия для них индустриального развития страны в ущерб благосостоянию низших классов. Их все ослеплял и страшал кровавый призрак французской революции. Наконец реставрация их успокоила; они увидели, что народа бояться нечего, и вздумали действовать против буржуазии. Торийское министерство до 1822 года представляло ряд стеснительных и обременительных законов, имевших целью ограничить развитие гражданской свободы преимущественно в средних классах. Ограничения эти все-таки, разумеется, не имели в виду пользу народа; но аристократы и государственные люди сильно уже задумывались о том, как бы дисциплинировать массы и, давши им право на кусок хлеба, сделать за то послушными орудиями в своих руках. Не зная, как бы это сделать без всяких пожертвований и существенных уступок с своей стороны, государственные люди были приятно поражены опытами и планами Овэна. Он не требовал никаких правительственные реформ, у него не находили крайних демократических принципов, которых так страшились. Напротив, в его общине видели патриархальное устройство: он представлялся чем-то вроде добродетельного праотца, в своей особе соединявшего все гражданские власти, а работники являлись его покорными детьми, готовыми всем жертвовать для его пользы и

спокойствия. Растолковавши себе таким образом положение Овэна, аристократы и государственные люди никак не хотели допустить мысли о том, что стремления Овэна могут быть совершенно бескорыстны. На его планы они тоже смотрели как на игру, в которой никто, может быть, не останется в большом проигрыше, а самый большой выигрыш должен выпасть на их долю.

<...>

С 1818 года начинается для Овэна жестокая борьба, вместо того блестящего триумфа, каким он пользовался несколько лет пред тем. Борьба эта ведена была с безукоризненной честностью и благородством со стороны Овэна; но при всем том нужно согласиться с его противниками, что борьбу свою предпринял он совершенно безрассудно и в продолжение ее выказал много раз свое наивное добродушие. Этот чудак вздумал преобразовать Англию, Европу, целый мир, — и в чем же? в деле самом священном, самом милом для человеческих сердец, в деле личного интереса! Он хотел безделицы: чтоб лентяи и плуты не имели возможности обогащаться на счет чужого труда и чтоб дураки не могли записывать в преступники людей, не согласных с их мнениями! И наивный упрямец никак не хотел убедиться, что подобное предприятие безумно, что тут никакого успеха нельзя ожидать и что вообще против интересов сильных мира сего идти никогда не следует, «потому — сила...». Он не только ничего этого не хотел понять, но даже не хотел пользоваться и теми недоразумениями, которые остались в большей части его покровителей после первых его опытов. Уверенный в справедливости своих начал, радуясь на свою Нью-Лэнэркскую фабрику и колонию, он сочинил, между прочим, следующий, может быть и справедливый, но несколько странный силлогизм: «Что могло однажды образоваться и осуществиться в логических построениях мысли человека, то не может уже быть признано невозможным в мире и должно, рано или поздно, непременно найти свое осуществление и в фактах действительной жизни». Подкрепляемый такой мыслью, Овэн смело и открыто вступил в борьбу за свои идеи, все более и более раскрывая их пред глазами противников. И по мере того, как он определеннее и строже высказывал свои виды, исчезала его популярность. В продолжение семи лет, 1817—1824, он не только не успел сделать ничего существенного, но даже восстановил против себя все партии и почти напрасно истратил значительную часть своего состояния, которое нажил до того хлопчатобумажной фабрикой.

<...>

Прибывши в Северную Америку, Овэн вскоре нашел очень удобное место для своих опытов. В Индианском округе Соединенных Штатов, на берегах реки Вэбаша, существовала уже с 1803 года колония так называемых гармонистов, представлявшая собою род религиозной секты, с суровыми, почти аскетическими правилами, под управлением немца Раппа. Колония эта, равно как и самая местность, называлась «Гармония». Тут же поблизости нашел удобное место для своего предполагаемого поселения и Овэн. Он приобрел здесь деревеньку, в которой могло поселиться до 2000 душ, и при ней — 30 000 акров земли. Сделавши покупку земли, Овэн отправился в Вашингтон, имел свидание с президентом и получил дозволение изложить свои мнения и предположения пред конгрессом. С обычною простотою и свободою представил он конгрессу свои намерения и был выслушан с чрезвычайною внимательностью и уважением. Предоставляя полный простор для всякой пропаганды, Соединенные Штаты не воздвигали против Овэна таких официальных препятствий, какие встретил он в Англии. Поэтому, заявивши всенародно и открыто свои убеждения, он свободно мог предаться своим идеям и стремиться к осуществлению своих замыслов. В скором времени около него сгруппировалась масса людей, изъявивших полное сочувствие к его принципам. Новая колония, названная Овэном Нью-Гармони, — наполнилась поселенцами. Поселенцы эти представляли замечательное разнообразие в своих идеях, побуждениях, степени развития, в характере, звании, даже в вере и национальности. Одно только было обще всем или почти всем: бедность. Богачи и люди достаточные не откликнулись на призывы Овэна, и это было уже не совсем хорошим признаком для реформатора. Это подавало повод подозревать, что к нему присоединяются более из корыстных видов, нежели по чистому убеждению. И подозрение оказалось в самом деле справедливым. Из толпы, собравшейся к Овэну, очень немного было людей истинно порядочных. Большая часть шла с тем, чтобы пожить без нужды и без забот на счет благотворителя, наивно мечтающего о всеобщем благоденствии. Таким образом, уже с самого начала Нью-Гармони находилась в положении гораздо более затруднительном и неблагоприятном для планов Овэна, чем каково было положение Нью-Лэнэрка. Там реформы Овэна произошли совершенно естественно из предшествующего порядка дел на фабрике; там не люди пришли к ним, а они были

приложены к людям; там сами люди эти понимали, что их трудом и их честностью должна обеспечиваться для хозяина возможность продолжать для них свои благодетельные меры. Здесь ничего подобного не было: здесь люди шли на клич к Овэну, приступали к нему с надеждами и требованиями, а он давал им обещание и как бы обязательство в том, что они будут благополучны под его руководством. Очевидна вся невыгода положения, в какое поставил себя Овэн в виду этой толпы грубых, невежественных и развращенных нищих, из каких состояло большинство людей, собравшихся в Нью-Гармонии. Если бы Овэн имел менее энтузиазма к своим идеям и более осторожности, то он сам, конечно, при самом начале своей новой колонии понял бы, что тут нельзя ожидать полной удачи. Но он так верил в могущество своих принципов, что даже при самых дурных шансах не мог отказаться от попытки. Он принял за дело организации новой общины, и нужно еще удивляться, как много успел он сделать при обстоятельствах столь неблагоприятных. Вот несколько строк о Нью-Гармонии из Луи Рейбо, который очень недолюбливает идеи Овэна и старается изобразить их не только химерическими, но даже отчасти и вредными. Несмотря на свое глубокое убеждение, что попытка Нью-Гармонии была совершеннейшая чепуха и ни при каких условиях не могла удастся, он не может, однако же, не сознаться в следующем: «Нельзя, впрочем, не отдать Овэну справедливости в том, что он и здесь по возможности умел возобновить и продолжать благодетельные учреждения Нью-Лэнэрка. Дети, составлявшие главную надежду Овэна, обращали на себя особенное его внимание. У него были усовершенствованы все методы воспитания, и он умел от юношей добиться того, к чему напрасно старался приучить людей зрелых лет, — дружной и старательной земледельческой работы. В главном центре колонии учреждены были общества земледелия и механических искусств, и горсть порядочных людей, последовавших Овэну, принялась по его внушениям образовывать и смягчать грубость этого, почти дикого, населения. Здесь давали балы, концерты, вечера; самые низкие работы перемешивали с занятиями самыми деликатными. Так, например, убравши коровий хлев, молодые женщины садились у себя за фортепьяно, что немало забавляло герцога Саксен-Веймарского, когда он посетил Нью-Гармонию. Придуман был особенный костюм, для всех одинаковый: для женщин — платья несколько античного покроя, для мужчин — греческие туники и широкие шаровары. Сколько было возможно, Овэн старался от-

учить своих колонистов от тысячи условных тонкостей, которые наше тщеславие внесло в нашу общественную жизнь и которых корень кроется отчасти в привычках всех вообще, отчасти же и в претензиях немногих. Помещение было одинаково у всех расположено и меблировано; одежда была однообразна, пища — общая всем». Сделавши это описание, Рейбо заключает, что община Овэна, может быть, и могла бы существовать с успехом, если бы в ней не было «рокового принципа общинности», то есть если бы она была устроена не на тех началах, на которых действительно устроена. «Но Овэн, желая составить человеческую общину, требовал для нее ангельского населения», — остроумно замечает Рейбо, забывая, что Овэн именно отличался отсутствием всякой требовательности в отношении к людям, вступавшим в его общину. Людей, сделавшихся полускотами, он хотел сделать полными людьми, и не раз это удавалось ему. Он полагал, что может всех людей возвратить к жизни истинно человеческой, не ангельской и не скотской, — и в этом самонадеянном мнении была огромная ошибка. Он верил, например, в то, что человек здоровый и обеспеченный в необходимых потребностях жизни не станет лежать на боку, брезговать работой и поедать плоды чужих трудов; ему казалось, что всем людям очень легко внушить понятие о полной солидарности их прав и обязанностей и что легко провести эту солидарность во всей практической деятельности общины. Судя по себе и по некоторым избранным натурам, Овэн думал, что труд сам в себе заключает много привлекательности и что жизнь на чужой счет тяжела и отвратительна для всякого человека. Это уже было, разумеется, детски ошибочно. Правда, в членах своей общины Овэн успевал обыкновенно пробудить сознание в справедливости его начал; но от сознания еще слишком далеко до практической деятельности. Не клочок земли, не месяцы и не годы нужны были для того, чтобы пересоздать общественные привычки. Все производя из обстоятельств, Овэн надеялся, что привычки эти легко будут забыты при новой общественной обстановке, созданной им. Но и тут он был слишком легковерен и самонадеян: он выступал на борьбу с целым светом, противопоставляя свои, вновь изобретенные условия жизни тем всемирным условиям, которыми до того определялась жизнь человеческая. Он считал нелепыми все эти условия; но он сам был нелеп, воображая, что эти освященные веками нелепости можно разрушить экспромтом. Еще можно бы иметь некоторые шансы на успех, предлагая заменить эти нелепости другими, равномерно

бессмысленными; но чего же мог надеяться общественный реформатор, вопиявший против нелепостей — даже не во имя высших туманных абстракций, а просто во имя здравого смысла, во имя первых, насущных потребностей здоровой человеческой природы?..

Овэн сам заметил свою опрометчивость, когда увидел, что в Нью-Гармони образовалась ватага лентяев, старавшихся только воспользоваться преимуществами общинной жизни и отклонить от себя все труды и обязанности. Работы в Нью-Гармони вообще пошли очень дурно; оказался большой дефицит в приходах против расходов, и Овэн, признавшись, что «характеры еще мало подготовлены для его системы», счел за лучшее опять обратиться к теории и пропаганде. В Северной Америке учение его распространялось очень быстро, и в 1827 году считалось уже до тридцати общин, основанных по началам его системы. Многое из нее было принято и в маленьких религиозных общинах, подобных «Гармонии» Раппа. Но в то же время воздиглась против него и вражда партий. На первом плане явилась, разумеется, и здесь партия клерикальная. Овэну пришлось выдержать ожесточенную борьбу с одним фанатиком-методистом, Кэмпбелем, который путешествовал по Соединенным Штатам, проповедуя крестовый поход против Овэна и его последователей. Проповеди этой Овэн не боялся; но ему не- приятно было встретить и здесь то же ожесточение против себя, какое видел он в Европе. Всего же более огорчило его то, что в Нью-Гармонии чрезвычайно слабо принимались его идеи. Он нетерпеливо желал произвести в своей общине братство и трудолюбие, и принужден был видеть лень, эгоизм и разъединение, постоянно противившиеся всем его усилиям. Надеясь, что время поможет упрочению его системы, Овэн решил между тем употребить свое время и труды на поприще более обширном. Оставивши управление Нью-Гармонийской колонией и отказавшись от всякого права на вознаграждение за свои капиталы, затраченные на эту общину, Овэн отправился в Европу, чтобы там распространять свое учение.

<...>

В последние годы своей жизни Овэн ограничился почти исключительно теоретической пропагандой своих идей. В 1840 году произошло одно обстоятельство, по поводу которого опять шумно заговорили и долго шумели об Овэне. Королева Виктория пожелала говорить с Овэном и узнать его систему; через посредство лорда Мельбурна он был ей представлен. По этому случаю поднялись страшные крики со стороны оппозиции в парламенте и со стороны

высшего духовенства Англии, которого представителем явился теперь епископ Экзетерский Фильпот. Нападали и на Овэна и на министра, объявляя факт представления Овэна королеве как что-то бессмысленное и чудовищное. Нападения их вызвали со стороны Овэна протестацию, которая явилась под следующим заглавием: «Манифест Роберта Овэна, изобретателя и основателя системы разумного общества и религии». Высказывая свои общие воззрения, Овэн сообщает здесь и некоторые факты своей деятельности. Неизъяснимо милое добродушие и спокойствие господствует в этом «Манифесте», и тем сильнее поражает нас смелость и широта воззрений, высказываемых в нем с такой простотою. «Манифест» этот не длинен, и мы решаемся представить его читателям, чтобы дать понятие о характере воззрений и о самом способе выражений Овэна. Не забудем, что это произведение полемическое; и вот как Овэн ведет свою полемику.

**Манифест Роберта Овэна,
основателя системы разумного общества и религии**

I. Система общественного устройства, господствовавшая до нашего времени, имеет своим источником призрачные понятия, которые произошли от первобытного, грубого состояния человеческого ума, лишенного основательных знаний.

II. Все внешние обстоятельства, управляющие миром, суть произведение человека и носят на себе отпечаток этих первобытных, несовершенных понятий.

III. Опыт с очевидностью доказывает всякому тщательному и мыслящему наблюдателю плачевную ложность этих первоначальных, грубых понятий. В предшествующие века, которые справедливо можно назвать *неразумным периодом человечества*, человек был ими обманут насчет своей собственной натуры и доведен до того, что стал самым непоследовательным и несовершенным из всех существ.

IV. История человечества неотразимо доказывает неразвитость доселе человеческого ума, и каждая из ее страниц подтверждает в подробностях, как безумны и бестолковы были его стремления.

V. История доселе была только рядом войн, убийств, грабежей, бесконечных разделений, взаимных противодействий разных сторон друг другу в достижении состояния мирного и счастливого; в истории был доселе тот период, когда *все были во вражде с каждым*.

дым, и каждый — во вражде со всеми, — принцип, удивительно приспособленный к тому, чтобы произвести как можно больше зла и как можно меньше счастья.

VI. Все учреждения, господствовавшие в мире, прямо вытекают из этих первоначальных, грубых и ужасных заблуждений наших предков.

VII. Вместо этой системы глубокого невежества, принуждающей человека делаться с детства, по уму и по образу действий, существом неразумным, непоследовательным и не способным понимать самые нелепые свои ошибки, я предлагаю ныне всем народам мира другую систему общественного устройства. Это система совершенно новая, основанная на началах, выведенных из неизменных фактов, находящаяся в полной гармонии с законами природы. Это система, в которой *каждому обеспечивается общее содействие всех и всем — содействие каждого*, — принцип, удивительно удобный для того, чтобы произвести как можно больше добра и как можно меньше несчастий.

VIII. Я предлагаю систему человеческой жизни, во всех отношениях противоположную системе прошедшей и настоящей, — систему, которая произведет *новый ум и новую волю* во всем человечестве и каждого, с неотразимою необходимостью, приведет к последовательности, разумности, здравому мышлению и здравым поступкам.

IX. Эта новая система откроет людям глаза на прошедшее и настоящее развращение человеческого рода, на безумие и ложность наших учреждений, на настоятельную потребность изменить все эти внешние обстоятельства и принять другие учреждения, основанные на познанных фактах и сообразные с нашейатурой. По этим последним признакам всякий человек может отличить истину от лжи.

X. В этой системе столько силы, что она, и только она одна, может скоро положить конец человеческому невежеству; остановить возрастание пауперизма и отвратить возможность его возобновления; уничтожить все суеверия, господствующие над миром, и удалить все причины разъединения людей, как на деле, так и во взаимных расположениях; произвести неисчерпаемое обилие во всем, что необходимо для жизни и для удовольствия человека, и сделать для него производительный труд более легким и приятным.

XI. Система эта не признана, но она столь могущественна, что в самый тот год, когда ее примут, она произведет на земле более

благосостояния, наслаждений и нравственности, нежели сколько старая система могла произвесть в течение веков и сколько она еще произведет в будущем, как бы долго она ни существовала.

XII. Эта система так различна от нынешней, и в теории, и в практике, и во всем своем характере, что она произведет свои реформы спокойно, тихо, последовательно и в таком порядке, что никто не потерпит ни малейшего ущерба в своих интересах нравственных и вещественных, а, напротив, всякий найдет в ней удовлетворение и благо для себя, во всяком месте, во всяком народе.

XIII. Мало того, щадя ошибки прежнего общественного быта и не желая ни в чем оскорблять совести, новая система устроит дело так, что старые суеверия всякого народа умрут своею естественною смертью, с возможно меньшим неудобством для личностей, которых существование с ними связано, и с возможно большей пощадой человеческих слабостей.

XIV. Так как эти две системы совершенно противоположны, то ясно, что слияние между ними невозможно ни в каком случае, даже тогда, когда одна из них исчезнет в другой. Старая система основана на заблуждении и не может защищать себя иначе, как с помощью уверток и лжи. Новая система основана на истине и не допустит никакого обмана — ни в общественной, ни в частной жизни, ни между отдельными личностями, ни между народами.

XV. Основатель новой системы был в первый период своей жизни промышленником, сам вел дела, распоряжался, приобрел опытность, и он из своих знаний и опыта извлек положения, основанные на естественных свойствах нашей природы и вполне им соответственные.

XVI. Эти новые положения так необыкновенны, что в их сочетании для всего человечества заключается, при той же сумме труда, во сто раз более выгод, нежели сколько старая система давала кому-нибудь из людей. И эти неслыханные доселе планы, эти соображения, существующие произвести новый нравственный мир и дать человеку разумный характер, готовы подвергнуться критическому рассмотрению самых ученых, самых практических, самых опытных людей в четырех существеннейших отраслях человеческой жизни, то есть: 1) в производстве; 2) в распределении богатств; 3) в образовании человеческого характера с детства; 4) в установлении местного и общего управления. XVII. Новая нравственная система не может иметь дела с старою безнравственною системою иначе, как только для того, чтобы привести ее

к полнейшему, мирному уничтожению. И падение людей, которые считали для себя выгодным поддерживать старый порядок вещей, доказывает, что час совершенного преобразования уже пробил.

XVIII. Внимание народов, в видах их собственного благоденствия, обращено уже на этот важный предмет, интересный для ныне живущих и для тех, которые еще будут жить.

XIX. Основатель этой системы, уже около полувека работающий над ее усовершенствованием, просит себе позволения говорить в обеих палатах не только для того, чтобы вступить в борьбу с противниками, которые его не понимают, но и затем, чтобы развернуть пред глазами всего мира безмерные выгоды его учения.

XX. Центральный совет, составляющий исполнительную власть всеобщего и общинного товарищества разумной системы, также просит себе слово в обеих палатах, чтобы опровергнуть чудовищные клеветы, рассеянные по стране и письменно и словесно разными противниками нашими, которые считали выгодным для себя нападать на нашу реформу.

